

ЯБЛОКИ

В этой компании Блинов оказался случайно - просто заглянул в тот момент, когда шел разговор о поездке "на яблоки", и его, конечно, пригласили. В общем-то, он знал всех и его тоже знали, его и его работы, которые он раньше приносил довольно часто, а теперь вот реже... Со времени его первого вернисажа, организованного в помещении редакции, прошел не один год, и из прежних вещей самому Блинову теперь почти ничего не нравилось, но каждый раз ему напоминали именно о тех прежних акварелях и рисунках как о некоем эталоне, к которому он должен стремиться. Вокруг словно сговорились не замечать того, что он рос, изменялся. Хваля старое, они, понятное дело, не принимали его сегодняшнего.

И все же он продолжал приходить и, развязывая тесемки большой папки, нервно и ревниво ждал, пока все отложат свои дела и подойдут - руки его небрежно раскладывали рисунки, один к одному, на полированной поверхности большого стола, и лицо было непроницаемым.

- Вот, - усмехался он, захлопывая корочки пустой папки - и пока все молчали, вежливо обратившись к его работам, паниковал, что принес совсем не то, или же что самое главное, новое, только-только найденное, не заметят.

Однако по большому счету их мнению он не доверял - и когда хвалили, и когда деликатно критиковали - полагаясь больше на те скупые замечания, которыми обходились его друзья-художники. Художники бывали еще больше неправы, но их неправота имела свойство вдохновлять.

На поездку Блинов согласился после минутного раздумья, когда он по инерции сказал себе: "нет", а потом, вслух: "да", сообразив, что еще ни разу не писал осень в этом году, и что это как раз случай - поработать для души. Кроме этюдника и красок он, как и все, захватил с собой тару, рюкзак - Кабалкин, хозяин дачи, обещал нагрузить всех даровыми яблоками из собственного сада.

Электричка быстро набрала скорость и, выписав большой полукруг у однообразного, но солнечного района новостроек, вошла в прохладный коридор пригородного леса. Лесок был уже наполовину прозрачен, сплошь покрыт по земле мелкой листвой, и Блинова опять кольнула мысль, что он прозевал осень. С начала лета он работал над большим заказом, в издательстве торопили, а в августе вернулась из деревни жена с сыном - времени для себя вовсе не осталось, и почти вся осень прошла для него в парке, куда он приходил катать в коляске малыша. Даже этого было бы достаточно для этюдов, но мальчонка, еще не начавший ходить, не отпускал его ни на минуту - просился то на руки, то на землю, то обратно в коляску - и все, что видел и пережил Блинов, пока жена пропадала на работе, так и осталось невоплощенным. С мукой, которая все же была приятной, он отмечал, как изменялся парк - как его деревья, отпламенев, погасали одно за другим, и в стихии оттенков красного, желтого и оранжевого появлялись пепельные провалы. А потом пепельное, сизое стало основным, сквозь болезненно утончившуюся сеть ветвей проступили дальние деревца - и представлялось, что можно удержать в одном взгляде все подробности парка.

Ехали около часа. За это время вагон наполовину опустел, в нем сделалось уютно, и уже не хотелось вставать и выходить. Почти сразу за платформой начинался сосновый лес, туда сворачивала проселочная дорога. Ночью были заморозки, и, хотя лучи солнца попадали на дорогу, затвердевшие колеи были тут и там присыпаны тонким хрустящим порошком инея. Идти по такой дороге, крепкой и мускулистой, доставляло удовольствие, словно усилия ног она брала на себя. Иней был не только в складках дороги, но и на траве - трава казалась узко нарезанной серебряной фольгой, и это напоминало что-то праздничное. Было светло, чисто, знобко и никак не получалось вдохнуть полной грудью этот крепкий ядреный воздух, словно легкие для него не были приспособлены.

Поселок начался домом лесника, за домом открылась вырубка, которую замыкала темная стена неправдоподобно высоких елей, и на фоне этой стены тремя оранжевыми факелами полыхнули неправдоподобно большие березы. Они были как обещание, что и дальнейшее будет необыкновенным, но Блинов все оглядывался, решив обязательно вернуться, чтобы написать их. Вдоль улочки пошли заборы с дачами, и, хотя людей не было видно, кое-где из труб медленно вился дымок, да еще слышалось, как сгребают в кучи палую листву, жгут - доносился волнующий, горьковатый запах костров.

Дорога круто повернула и, оставив в стороне спуск, в конце которого блеснули изгибы узкой речки, пошла вверх. Она еще более напряглась - казалось, по середине ее проходит мощный бугор мышцы. Блинов подумал, что спуск тоже надо бы написать, и почувствовал легкую растерянность и досаду, оттого что они продолжали идти - мимо и мимо...

Походили еще в узких переулках, где разве что два велосипедиста разъедутся, и пришли. Дача не представляла собой ничего особенного - маленькая, а внутри даже крошечная, она была завалена яблоками. Яблоки были везде - на кровати, на столе, в углу под стульями и на самих стульях, и все это обилие благоухало так свежо и морозно, что, казалось, можно вырезать холодящий ломоть этого запаха и взять с собой.

Сначала топтались вокруг да только и делали, что ели яблоки. Потом Кабалкин собрал всех на крыльце.

- Как насчет того, чтобы немножко поработать? - весело сказал он, вкладывая в интонацию необязательность своего предложения.

- Где лом? - с готовностью завопил старший литсотрудник Шерстобоев и, подняв с земли большой булыжник, швырнул его к забору.

- Только не ломай забор! - в тон ему воскликнул маленький шустрый Кабалкин и в театральном ужасе всплеснул руками.

- Что нужно делать? - подошел к Кабалкину Блинов.

- Вот и я сам думаю, - сразу посерьезнев, ответил тот. - Может, сук спилить...

Спилить надо было несколько веток, нависших над электропроводами. Раньше эти ветки не мешали, а теперь разрослись, и появилась угроза, что при большом ветре они могут замкнуть линию.

- Сделаю, - сказал Блинов и подошел к старой березе. У него чуть дрожали руки. Не то чтобы он волновался, но последний раз он залезал на дерево, наверное, лет двадцать назад, и от прошлого осталась только память, что лазить умел.

Он поднимался, тщательно проверяя под рукой и ногой сучья и ветки и не испытывая никакого удовольствия от подъема, а только щемящее чувство высоты и незащищенности перед нею. Мальчишкой он испытывал чувство полета - в этом была вся разница того, каким он был и стал. Взрослый человек в нем был осторожней и медлительней, но кроме того, взрослый человек осознавал, что для тех, кто стоит внизу, его высота кажется незначительной - потому нужно было выдавать унижительную замедленность движений за основательность. Ему кинули ножовку - он ловко поймал ее одной рукой и небрежно спросил:

- Так какую пилить?

Металлическая рукоять ножовки холодно обжигала ладонь, пилить было неудобно

и неудобно было держаться другой, тоже зачоченевшей, рукой за слишком толстый скользко-атласный ствол. Проклиная себя за пижонство, Блинов бешено на одном вдохе перепилил ветку и, ухватив выше распила, с трудом перевел ее, тяжелую, волнообразно подрагивающую, в сторону от проводов. Тогда он оборвал пилой последние связывающие волокна - и ветка, распустив длинные пряди, медленно упала.

Так же он расправился и со второй и, бросив пилу, стал спускаться. Спуск занял у него еще больше времени, но за ним уже не следили, обступив другую березу, на которую забрался муж Ирины Плиевой Сергей. Высокий и худой, он плохо смотрелся на березе - она была для него недостаточно велика. Странно, что именно он полез вверх. Блинов подошел, заботливо оттирая брюки от меловых полосок, оставленных корой.

- Ты молодец, - сказала Ирина, когда он встал рядом. Блинов усмехнулся в ответ и кивнул в сторону ее мужа, переадресовывая комплимент.

- Не свались! - подняв голову, сказала мужу Ирина.

Сергей молча посмотрел сверху на нее и продолжал пилить. Он в самом деле чуть не сорвался при спуске - сучок под ногой сухо щелкнул, и нога, лишившись опоры, беспомощно шаркнула вниз по стволу. Кто-то ахнул.

- Да что вы, ребята, все нормально, - скучно сказал он внизу, по-детски прямыми ладонями стряхивая с груди древесные чешуйки.

- Больше не полезешь, - сказала Ирина, и все засмеялись.

Потом по очереди бросали камень - его опять приволок Шерстабоев и швырнул от груди двумя руками. Блинов очень старался - но камень упал ближе, чем у Шерстабоева. Однако соревноваться с мощным крупным Шерстабоевым было выигрышно - тут был скорее важен не результат, а самый факт борьбы. Сергей после двух неудачных попыток выбыл из игры. Камень он бросал, как человек, ни разу не переступавший порог физкультурного зала.

- Наигрались, Гераклы? - сказал Кабалкин, спускаясь с крыльца с двумя пустыми ведрами в руках. - Яблочками поиграйтесь, я вам целую яблоню оставил для игр.

Забросили камень подальше, потянулись в сад. Сад показался просторным для такой маленькой дачи, просторным, низеньким, пустоватым - в блекнувших осенних красках. В самой его середине светилась теплым рассеянным светом неубранная яблоня. Издали она была похожа на огромный цветущий куст шиповника или роз, только по сравнению с цветами яблок на ней было несравненно больше - и мягкий рефлекс красного ложился на седую заиндевелую траву, а когда подошли - и на лица подошедших.

- Это китайка, - сказал Кабалкин.

- Как китайский домик у Бенуа, - сказала Плиева.

Поговорили о выставке Бенуа.

Блинов подумал, что яблоню ему не написать. Тут нужно масло. Акварелью можно было бы хорошо взять только ветку. Но ветка - не яблоня, не эта яблоня. Он с ненавистью подумал об акварели и решил вообще не открывать сегодня этюдник. Он чувствовал, что решил так кому-то назло и тихо покопошился - кому? Не себе ведь? Себе - понял он, тому себе, который согласился на эту дурацкую поездку. За это время он сделал бы дома еще лист. По уговору с женой целое воскресенье было его собственностью. Он потерял воскресенье. Идиот.

- Что? - раздался рядом голос Плиевой.

- Да нет... - отмахнулся Блинов, - мысли вслух.

- Плохие мысли.

Так было всегда. Когда рядом была Плиева, Блинов переставал чувствовать себя в безопасности - у него появлялось ощущение, что за ним наблюдают, словно в душе у него была какая-то еле различимая щелка. Никто об этой щелке не знал, а Плиева знала. Когда Блинов обнаружил промах, было поздно. Получалось, что он вслепую, как подопытная божья коровка, бежит вдоль узкого луча на источник света. Источником света было представление Плиевой о Блинове. Если Блинов попадал в этот проклятый луч, то он уже

начинал соответствовать ее представлению. Борьбаться с этим было бесполезно - он пробовал. Борьба тоже предполагалась. Оставалось только смириться и не обращать внимания.

- Плохие мысли, - сказала Плиева.

- Да нет, - повторил Блинов и повернулся к ней спиной. Это был единственный выход. Он знал, что теперь Плиева пожмет плечом, и раздраженно представлял себе движение ее плеча и гримасу на лице, одновременно успокаиваясь, потому что благодаря этому маленькому знанию можно было хотя бы ненадолго почувствовать себя хозяином положения.

Блинов обратил внимание на Плиеву во время своей первой выставки - возможно, виной были два-три ее тонких замечания по поводу его графики. Замечания были лестные - и он клюнул. Тогда между ними что-то начиналось, но не началось, и в их от случая к случаю приятельской болтовне так и осталась вопросительная нотка, тревожащая разве что чуть-чуть.

Сначала собирали яблоки втроем - Блинов, Шерстобоев и Плиева - Сергей окучивал рядом старую яблоню. Потом у китайки остались только Блинов и Плиева - Шерстобоев, взяв лопату, тоже занялся окучиванием. Под яблоней стояло два ведра - когда наполнялись оба, Блинов нес их на дачу. Яблоки высыпал в отведенное Кабалкиным место, брал из других куч яблоко побольше, сочно хрустел им и шел обратно, погромыхая взятыми в одну руку ведрами. Этот маршрут, в котором последовательно сменяли друг друга тропинка, листва под ногами, лимонного цвета кусты, угол дачи, холодный яблочный запах комнат, нежный стук ссыпавшихся в горку яблок, звяканье пустого ведра, доски крыльца, сжимающиеся под ногой, странно волновал Блинова...

Кабалкин опасался, что яблоки на китайке померзли. Пока не оттаивали, есть их было невозможно - зубы погружались словно в замороженную вату. Когда Блинов приносил очередное ведро, Кабалкин подходил, щупал и, бросая обратно, повторял:

- А, черт с ними.

- Да нормальные будут, - говорил Блинов.

- Думаешь? - вскидывал на него глаза Кабалкин.

Яблоки все не кончались - Блинов отнес ведер десять, а на ветвях было еще красно.

- Надо потрясти, - сказала Плиева.

Он потряс - сбивая листья, яблоки попадали наземь. Доставать их из-под кроны было не легче - мощные толстые ветки начинались у самой земли. Опустившись на колени на колени и чувствуя ледяной холод почвы, Блинов стал раздвигать ветки и сгребать яблоки. Чтобы не брать по одному, он просто выбрасывал их из-под навеса листвы. Под яблоней был прохладный зеленый сумрак, у лица, касаясь щек, спокойно висели небольшие крепкие плоды, твердо, стройно уходил вверх ствол с многочисленными отростками веток, - все это вдруг вызвало в Блинове ощущение, которое бывало у него накануне Нового года, когда он был мальчиком, - ощущение тайны.

Работа постепенно замирала. За дачей в легкой пристройке варилась на примусе картошка. Плиева давно ушла туда. Это она чистила картошку, это Сергей и Шерстобоев, перековыряв несколько грядок, откопали с ведро прекрасных картофелин, это они же теперь уступали друг другу право пройти лопатой еще один круг под яблоней.

Солнце скрылось за широким пологом туч, налитых сизой влагой. Полог был недвижим, и солнце так и осталось за самым краем, серебристо высвечивая его. Березы возле дачи на фоне уходящего до горизонта предгрозового слияния туч обозначились каждым мелкозубчатым листиком, непрестанно подрагивали, и сочетание неподвижного темного и вибрирующего оранжевого было красивым. Полог нависал над головой - от него веяло свежим холодом. В пространстве между ним и оранжевыми верхушками берез стали появляться белые точки. Падали они медленно, редко - одни планировали, а те, что побольше, кувыркались. Блинов протянул руку - на ладонь упал такой кувыркающийся кусочек льда, похожий на пирамидку с выпуклыми боками. По саду тихо и вкрадчиво

шуршал замерзающий на лету дождь.

Блинов отнес ведра, вытащил из рюкзака этюдник, заглянул в пристройку, где готовилась картошка, пренебрегая вопросительным взглядом Плиевой, молча взял одну из банок, стоявших перед ней, налил воды, оторвал от чистой тряпки лоскут и вышел. В его движениях, в выражении лица появилось что-то упрямое, угрожающее. Быстрым шагом, словно ему могли помешать, он пересек весь сад в длину, перелез через забор и оказался в темной сырой узкой улочке, похожей на кладбищенскую. Над нею светилося незанятое пологом небо.

Улочка вывела его к спуску. Справа за штакетником в неглубокой пади среди тонких высоких деревцев, потерявших листву, поплыли скаты крыш. Так, наверное, их видят птицы. Далеко впереди несколькими разорванными полосками знакомо открылась речка. Та самая, - обрадовался Блинов. Низина, где блестела речка, была изумрудно-зеленой. За ней по освещенным холмам взбирались четко прорисованные домишки. Так же четко в них были прорисованы окна, двери, трубы. Из труб поднимались прямые светлые дымы. Блинов ускорил шаги. На втором этаже в окне солидной дачи стучал молотком человек. На верхней площадке наружной лестницы стояла собака. Увидев Блинова, она залаяла, потом в безмолвной угрозе пробежала вниз один пролет и, остановившись, снова начала лаять. Человек высунулся из окна и прикрикнул на нее. Собака оглянувшись, нерешительно переступила лапами и стала молча следить за Блиновым.

Блинов почувствовал, что идет впустую, слишком долго идет. Он выругался вслух, что только потерял время, и повернул обратно. Он вернулся к тому месту, откуда недавно увидел низину, но с ней что-то произошло. Она померкла, и померкли холмы за ней. Блинов поднялся до начала улочки, на которую выходил сад Кабалкина, и свернул на нее. В саду никого не было, из дачи доносились голоса Плиевой и Шерстабоева. Голоса были хорошо слышны. Блинов прошел немного дальше и неожиданно увидел то, что искал. Странно, что он не заметил этого сразу - или освещение изменилось?

Волнуясь, он поставил банку с водой между планок забора, открыл этюдник, приколот ко внутренней стороне откинутой крышки лист торшона, еще один лист сложил пополам, сунул его под пальцы левой руки, держащей навесу этюдник, и, набрав большой колонковой кистью воды, быстро намешал краски.

Верхний край неба был темнее и, ведя тон к горизонту, Блинов добавлял чуть больше воды, быстро вытирая после этого кисть о тряпку и подхватывая набегающие книзу капли. Улочка перед Блиновым, спускаясь, ныряла в темную глубину. Там, в глубине, виднелся под козырьком крыши кусок дома с тонкой белой рамой окна. Казалось, что дом нежилой, и белизна рамы была пугающей. Над домом по кособогу стояли колбочки молодых деревцев, наполненные старым пламенем. Выше, к гребню кособога деревца были голы и темнели густо переплетенными ветками на неподвижном сиянии расположившихся по горизонту облаков. Пока Блинов писал, облака, не меняя формы, наливались женственно-розовым, и он пожалел, что не задал им с самого начала чистый розовый тон.

Он писал как бы беспорядочно, намечая цвета сразу по всему листу и снова возвращаясь к центру, стараясь сделать его глуше, напряженной. Он оставлял незанятой только левую часть листа, где должна была на среднем плане загореться береза. Он боялся писать ее, не доверяя руке, откладывая до последнего - ее надо было взять с одного раза, без повторов и поправок - иначе из нее уйдет этот темно-оранжевый, почти ржавый, истомленный свет, и останется только непрозрачная краска.

Что береза получится, он почувствовал после первого прикосновения кисти, оставившей на светлом гибкую, исполненную пожара ветвь. Еще были столбы - можно было их не обозначать, но они заглубляли перспективу, а провода провисали так плавно, летяще, словно вторили траектории ласточкиного полета.

На тропинке показался человек - голова, плечи, весь. Подъем был крутой, но человек даже не перевел дух. Он весело посмотрел на Блинова, не доходя до него,

остановился, отпер калитку и исчез за ней. Поздно приехал, - подумал Блинов. Только теперь он заметил, что вокруг стемнело. Замерзли руки. Нужно было заканчивать - цвета теряли определенность.

На даче Кабалкина голоса усилились. "Где там наш живописец?!" - узнал Блинов голос Кабалкина. Со стороны сада слышались шаги. Блинов подумал, что это сам Кабалкин, и решил не оборачиваться, пока его не окликнут.

- Ты здесь? - раздался голос Плиевой.

Блинов повернулся и посмотрел на нее.

- Там вроде бы тебя ждут, все готово, - сказала она.

- Сейчас, - сказал Блинов.

- Что ты здесь нашел? - берясь за планки и вставая на нижнюю перекладину забора, ревниво сказала Плиева. - Здесь ведь нечего рисовать.

- Все в порядке, - сказал Блинов.

- Покажешь?

- Потом.

Блинову не нравилось, как она стоит. Он подумал, что если бы она знала, как невыгодно смотрится за забором, она бы слезла. Но она полагала, что смотрится хорошо. Это была еще одна ее ошибка за сегодня. Ошибки начинаешь делать именно тогда, когда думаешь, что знаешь все.

- Скажи, сейчас приду, - повторил Блинов, чтобы Плиева ушла. И она ушла.

Его снова позвали. На этот раз Шерстабоев.

Было холодно и Блинова бил озноб, когда он перелезал через забор и бежал по саду к даче. В саду стало неприятно.

На кухне горел свет, на столе на тарелках были разложены кружки нарезанной колбасы, белые ломти брынзы, куски черного хлеба, стояла банка маринованных огурцов, на обрывке газеты - горка соли, было сливочное масло, была бутылка столичной и три бутылки портвейна. Блинову обрадовались, как радуются последнему гостю. В компании всегда кажется, что ключи от веселья приносит последний.

- Ну, как наши места? - закричал Кабалкин. - Запечатлел?

- Ничего, - усмехнулся Блинов, вспомнив про "живописца".

- Ничего "нет" или ничего "да"?

Блинов хотел ответить, но Кабалкин уже не слушал, привлеченный видом дымящейся кастрюли с картошкой, которую за спиной Блинова осторожно вносил Шерстабоев.

- А...! - протянул Шерстабоев. - Художник пришел. Прямо на горяченькое. Ну что там у тебя получилось - дай посмотреть.

- Потом. Когда закончу, - сказал Блинов. Ему хотелось показать сейчас, и он сделал над собой усилие, чтобы не вытащить из этюдника свою работу.

- Хорошо там? - серьезно спросил Сергей. Блинов посмотрел на него и кивнул. Так обычно спрашивала Плиева.

- За стол, за стол! - пропел Шерстабоев, радуясь виду пищи.

Блинов пошел на крыльцо мыть руки. В освещенной прихожей он задержался, чтобы еще раз взглянуть на акварель. Акварель удалась. Только в центре было чуть грязновато, и в высохшей краске отпечатались кристаллические узоры холода. Черт, глицерина надо было, - подумал Блинов. На крыльце он столкнулся с Плиевой.

- Пришел... Давай полюю, - сказала она, заметив в его руке кружку с водой. Вода была ледяная - краска смывалась плохо.

- Завидую, - произнесла Плиева. - А мы тут пьем. Холодно.

Блинов почувствовал, что надо что-то сказать ей, но что - он не знал.

С трудом разместились вокруг стола, распечатали водку, разлили по кружкам и стаканам, выпили, стали курить. Блинов тоже закурил. Алкоголь заговорил в нем сразу после первой затяжки, горячо ударил в лицо и как бы отделил его, сделал чужим.

Съели все быстро, на кухне стало сизо от дыма, но в дыму было приятно - он согревал.

Потом Блинов поднялся из-за стола, распахнул дверь, постоял на крыльце и нырнул в неподвижный раствор синего холода. Почти ничего уже не было видно, и Блинов даже удивился, что сразу нашел туалет.

- Я пьяный, - говорил он, стоя в узкой сухой будке. - Пьяный идиот.

В дощатую стенку что-то тихо поскреблось.

- Это куст, - не давая себе испугаться, сказал Блинов. - Я его видел. Жасмин. - Он представил, как аккуратно цветет жасмин. - А они кретины, - беззлобно подумал он о своих спутниках, и его окатила волна влюбленности в них. - Надо нарисовать Сергея, - сказал он. - Славный мужик... - Блинов вышел и, вслепую топая по траве, направился к даче. Было приятно появляться из темноты, чувствовать себя ее посланником, гонцом - из темноты на свет.

Все уже стояли в прихожей, готовые к отходу.

- Яблоки? Что ж ты яблоки не взял! - сказал ему Кабалкин.

- Господи! - хлопнул себя по лбу Блинов и, схватив рюкзак, бросился в комнату. Он брал наугад - торопливо, жадно, и все казалось, что яблоки не те - маленькие и невкусные - а какие хороших сортов, он сейчас не мог различить. Он брал из всех куч, и ему было неловко, что опять его ждут, и было совестно брать одному, после всех - лучше бы не брать совсем. Именно потому, что это мучало его, Блинов набрал полный рюкзак и, взваливая его на плечо, удивился и устыдился тяжести. Мешочник, - в ярости на себя, простонал он.

Как шли, Блинов не разбирал. Только и видны были что силуэты деревьев и дач, да еще - почти призрачно - тихие, белесые дымы. Он не заметил, когда миновали спуск к реке, где ему хотелось остановиться, как прошли мимо вырубki, где в темноте растворились три огромных дерева, - он шел и боролся с опьянением. Оно мешало ему - не давало ощутить дорогу, лес, воздух, с растворенным в нем серебристым блеском. - Должно быть, сейчас очень славно, - говорил в нем трезвый человек. А нетрезвый человек только вяло кивал в ответ.

Лес вдруг расступился, впереди в вытянутом эллипсе света возникла тихая платформа и - группками - люди на ней, и сразу же - такая удача - раздался сигнал приближающейся электрички, и ее лучи стали стремительно перебирать все, что было вокруг.

- А это можешь запечатлеть? - раздался рядом с ним голос Плиевой.

- Зачем? - спросил он, хотя собирался сказать: могу.

- Затем хотя бы, что больше мы сюда никогда не вернемся.

1972